ВРЕМЯ

№ 12 (131)
29 декабря 2025 г.
Издается с 2015 года

Информационно-просветительская газета.

Номер подготовлен при содействии Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Свердловского регионального отделения НК ИКОМОС, Россия, Информационно-просветительского центра Всемирной Федерации АЦК ЮНЕСКО

«ЗДЕСЬ ВАМ НЕ СИБИРЬ»

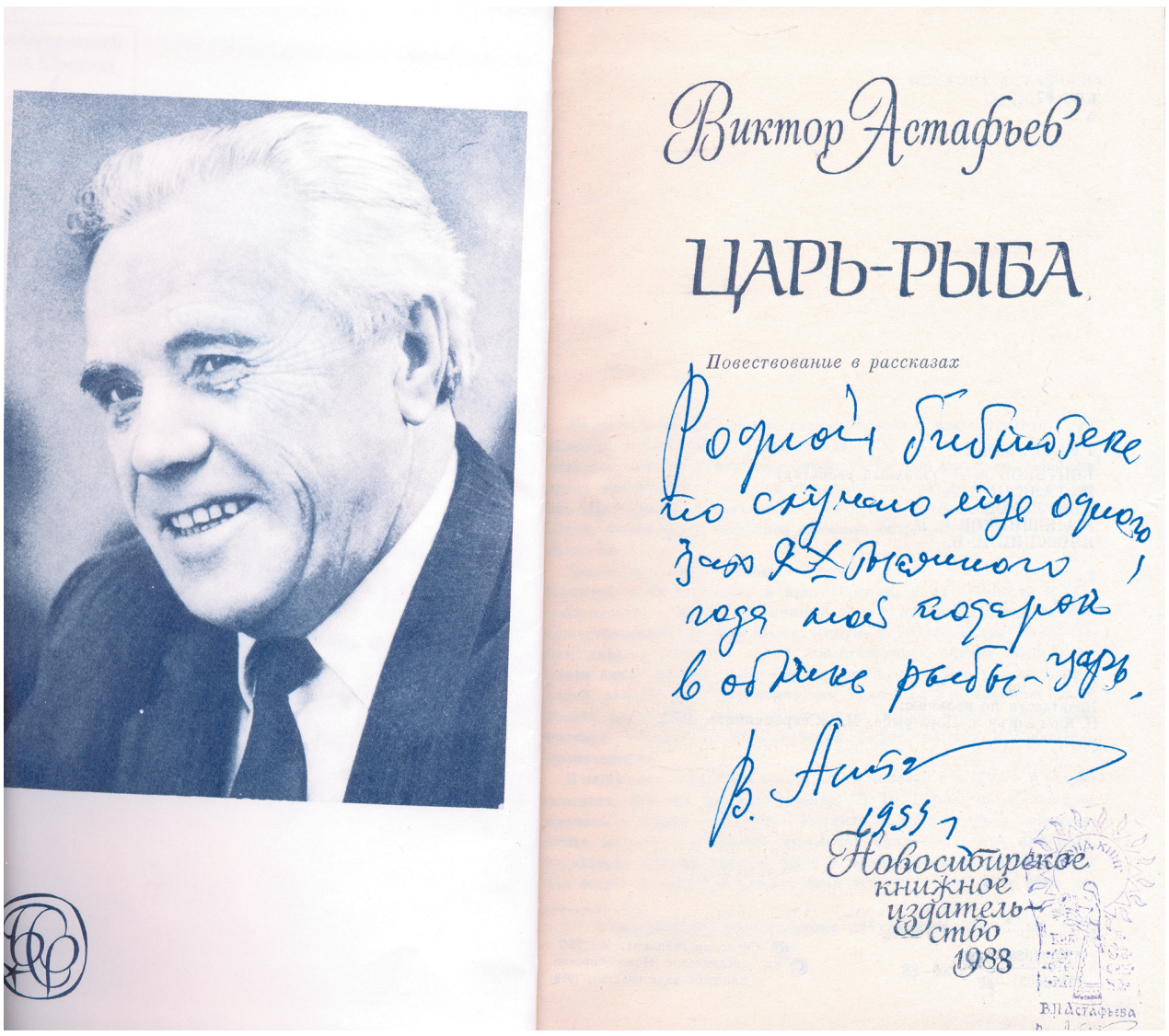
ПАМЯТИ В.П.АСТАФЬЕВА

ДАЛЁКОЕ-БЛИЗКОЕ

История часто воспринимается людьми как нечто далекое, порой мифическое, мало касающееся самого человека, живущего в современном мире. Мы чтим ее, отмечаем значимые даты, сопереживаем участникам событий часто как неким героям книги. Но вот когда эта история становится вдруг частью твоей собственной жизни, когда события ее оказываются на расстоянии вытянутой руки, и ты понимаешь, что твоя сегодняшняя жизнь следствие этой истории – тогда далекое становится близким. Мы, конечно, говорим, прежде всего, о самой значимой дате 2025 года, о 80-летии Великой Победы над фашизмом, о событии, повлиявшем на историю всего мира. И чтобы не происходило, как бы не менялись устои, взгляды, тенденции, мода – истина останется неизменной, и от нее нельзя отмахнуться.

Множество проектов 2025 года в области культуры по всему миру посвящены памяти о Великой Отечественной войне. Часто темы этих проектов были направлены на размышление о том, что есть человек, и какова его роль в истории? Где та грань, когда простая встреча двух односельчан на фронте становится поворотом для жизни следующих поколений? Где тот момент истины, когда вопреки сложившейся идеологии человек решает в минуту отчаянья во время войны обратиться к вере и достает старое Евангелие? Какой след оставляет после себя человек, проживший уже в мирное время недолгую свою жизнь, полную желания созидать и создавать, обнажая ложное и оберегая истинное?

Эти вопросы поднимали не только участники второго конкурса прозы «Здесь вам не Сибирь» памяти В.П.Астафьева. Эти темы отражены и в других материалах, присланных на конкурс, в которых авторы ищут ответы на вопросы не ради себя, но ради будущих поколений. В этом году конкурс охватил еще большую географию, работы были высокого художественного уровня. Также конкурс поддержали новые партнеры и благотворители, которым мы выражаем свою благодарность: заместителю председателя Московской городской Думы Степану Орлову, Союзу российских писателей и первому секретарю Светлане Василенко, журналу «Дагестан» и

главному редактору Марату Гаджиеву, Клубу писателей Кавказа и его руководителю Миясат Муслимовой. Их поддержка, как и сам конкурс, направлены на то, чтобы осознать, уберечь то близкое в культуре, литературе, что однажды станет далеким, станет уже нашей историей. И в ответе за эту историю будем мы. Как и за жизнь наших детей, внуков, правнуков. Потому что, как сказал великий русский писатель Виктор Астафьев: «Жизнь не письмо. В ней постскриптумов не бывает».

Составитель номера– Елена Фролова, поэт, прозаик, переводчик, организатор конкурса «Здесь вам не Сибирь».

АСТАФЬЕВ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

К 50-летию библиотеки села Овсянка

Место Виктора Астафьева в русской литературе очевидно и неоспоримо. Добавить к тому, что уже сказано об этом литературоведами, критиками, редакторами, издателями, очень сложно.

Меньше известна другая сторона личности и деятельности Виктора Петровича – всё, что сделал он для людей: коллег, друзей, односельчан, незнакомых ему читателей, писавших «В Овсянку, Астафьеву».

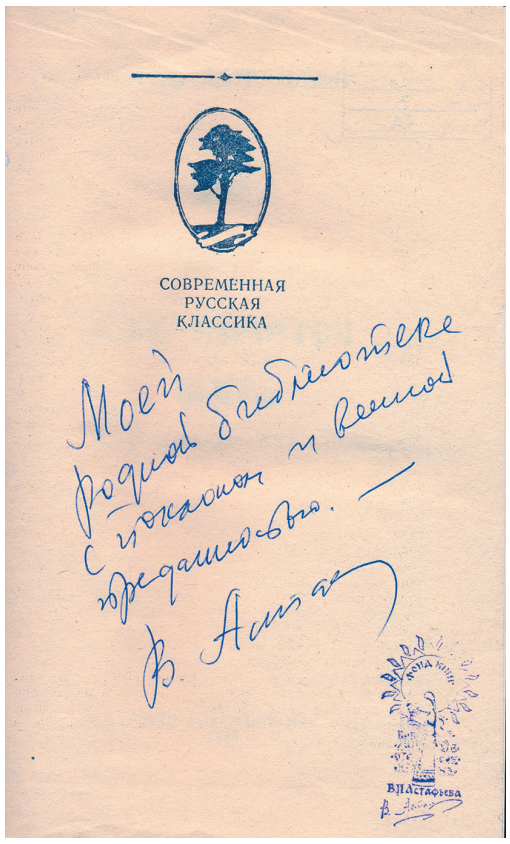
Поскольку мы с коллегами работаем в уникальной библиотеке, которую сам Виктор Петрович считал, помимо литературы, главным делом своей жизни, то и статья будет посвящена ей и той огромной роли, которую Астафьев сыграл в ее создании и – благодаря этому – в жизни родного села.

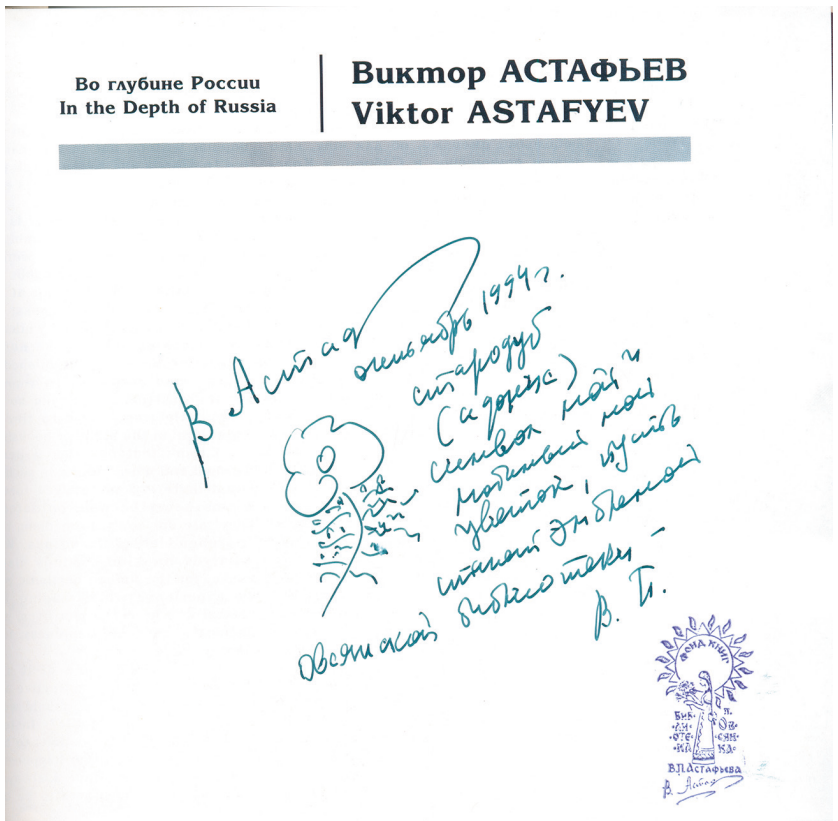
(Окончание на 2 стр.)

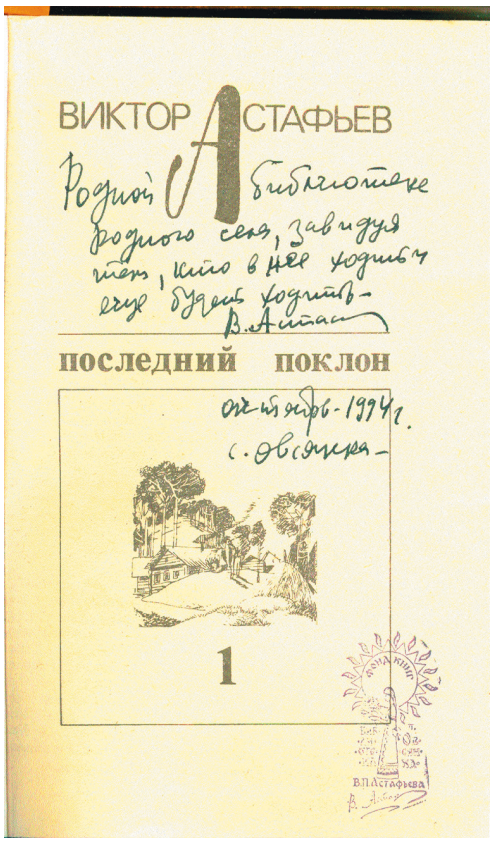
№ 12
29 декабря 2025 г.

ВРЕМЯ

Информационно-
просветительская
газета

ОТ АСТАФЬЕВА – С ЛЮБОВЬЮ

Библиотека в Овсянке открылась в сентябре 1975 года при местном деревообрабатывающем заводе, через три года переселилась в отдельный старенький домик. А возвращение Астафьева на родину в начале 1980-х перевернуло ее судьбу. Да и судьбу Овсянки тоже.

Библиотека стала едва ли не первым местом, куда Виктор Петрович пришел после приезда в родные места. Да еще с подарком – своим первым 4-томным собранием сочинений с автографом: «Библиотеке родного села – Овсянки, от автора на добрую память, и с надеждой, хотя и слабой, что оно хоть нынешний век доживет с тем обликом, который я любил когда-то, запомнил и, в меру сил моих, запечатлел на бумаге, и в сердце сохранил». Дату знакомства писателя и библиотекарей мы (спасибо автографу!) знаем точно: 5 августа 1981 года.

С этого всё и началось! Библиотечные фонды пополнялись не только «стандартными» для того времени изданиями, но и томами, составляющими ныне коллекцию книжных памятников библиотеки: книгами, подаренными Виктором Астафьевым, а также присланными по просьбе Виктора Петровича его коллегами – Сергеем Залыгиным, Юрием Бондаревым, Василем Быковым, Георгием Баклановым, Валентином Распутиным и другими. Сегодня в фонде книжных памятников библиотеки хранится 676 экземпляров, в том числе 256 – книги В.П.Астафьева с его автографами.

Жизнь в библиотеке и вокруг нее кипела. Создан был библиотечный клуб «Собеседник», ведущим в котором – подумать только! – стал сам Астафьев. Он говорил с односельчанами о литературе, читал любимые стихи школьникам, рассказывал о музыке, которую считал высочайшим из искусств, приглашал на встречи с земляками именитых писателей, заглянувших к нему в Овсянку. Да и не только писателей: деревенский домик Астафьева стал местом паломничества артистов, музыкантов, политиков, общественных деятелей, журналистов. И все они обязательно бывали в овсянской библиотеке, встречались с жителями села. А уж киношников овсянцы считали чуть ли не родными: на съемки документальных и художественных фильмов насмотрелись, сами в них участвовали, и съемочные группы у себя дома принимали. Сибирская провинция, маленькая деревенька? Нет, это не про нас!

В библиотеке формировались и архивные фонды: их основу составили фотографии, заметки, письма, документы, рукописи, видео- и аудиозаписи, переданные самим Астафьевым. В библиотеке сложилась традиция: на Новый год Виктор Петрович обязательно дарил библиотеке материалы из своих архивов. Существенную их часть он завещал библиотеке. Сейчас в личном фонде В.П.Астафьева (фонде № 2) содержится 1231 единица хранения. Даже не верится иной раз, что вот за этой дверцей, в особой комнатке-хранилище лежат рукописи Астафьева...

Всего же музейных фондов у нас 31, в них хранится около 5000 экспонатов – не только «астафьевских», но и связанных с близкими ему людьми, историей Овсянки, ее жителями. И это глыба, которую еще предстоит изучать и осмыслять, и, возможно, не одному поколению исследователей.

БИБЛИОТЕКА КАК НАДЕЖДА НА ЖИЗНЬ

Грандиозный замысел возведения нового здания для библиотеки появился у Виктора Петровича в начале 1990-х. «Вокруг Астафьева всё собиралось – от книг и людей до строительства, рядом с ним делались большие дела», – вспоминал Юрий Иванович Городов, в те годы – глава Дивногорска. Так получилось и с библиотекой. Уж если архитектор – так Демирханов. Уж если финансовая и организационная поддержка – так на краевом уровне: проект курировал лично Валерий Иванович Сергиенко, тогдашний председатель крайисполкома. Уж если строители – так крупнейшие компании края...

В Овсянке замысел поначалу одобрили не все. Кто-то пустил слух: мол, Астафьев себе дворец собирается отгрохать. А кто-то и в глаза Виктору Петровичу выговаривал: зачем, дескать, деревне такая библиотека? Лучше б кинотеатр, клуб или торговый центр. Астафьев лишь терпеливо объяснял: если тебе ни к чему – дети или внуки твои поймут и оценят.

Сделаем тут небольшое отступление и тоже попробуем понять: почему именно библиотека? Может быть, потому, что для мальчишки, в неполные семь лет потерявшего мать, воспитывавшегося неграмотными дедушкой и бабушкой, беспризорничавшего в Игарке – за сотни километров от родных мест – книги были и наукой, и отдушиной, и мечтой. А может, дело в том, что с книгами неразрывно связаны образы его лучших, самых главных в жизни учителей – Е.С. и Е.Н.Городысских в овсянской школе, И.Д.Рождественского и В.И.Соколова – в игарской. Поэтому пусть люди читают – всё, к чему душа лежит. Авось вчитаются, вырастут, поднимутся над самими собой, поймут то, чего еще вчера не понимали. «Любое чтение полезно. Читателями не рождаются, ими становятся: человека надо приучить к чтению, в том числе и литературой легкомысленного характера, приключениями, фантастикой. Больше вероятности, что, встав на эту дорожку, по ней он придет и к серьезной литературе», – отвечал Астафьев тем, кто сетовал, что, мол, молодежь сейчас читает «неправильные» книги.

4 мая 1994 года, через три дня после 70-летия Астафьева, библиотека открылась и была освящена. По воспоминаниям Анны Епиксимовны Козынцевой, первого ее директора, на открытии Виктор Петрович сказал: «Строили библиотеку святые люди, отрылась она, и появилась у нас надежда на жизнь».

Да, именно так и произошло: библиотека стала центром жизни в Овсянке. Им и остается. Жители села, от мала до велика, приходят к нам не только за книгами. Праздники для маленьких и пожилых, разговоры и чаепития, музыка и общение – всё это тоже часть нашей с односельчанами жизни.

Есть у нас события и другого масштаба. Дети и молодые люди из разных регионов России каждый год присылают сотни работ на фестиваль «Астафьевская весна»; наши сотрудники готовят научные доклады, выставки, пишут книги; к нам и сейчас приезжают журналисты и киношники, чтобы отснять материал о библиотеке, об Овсянке и овсянцах.

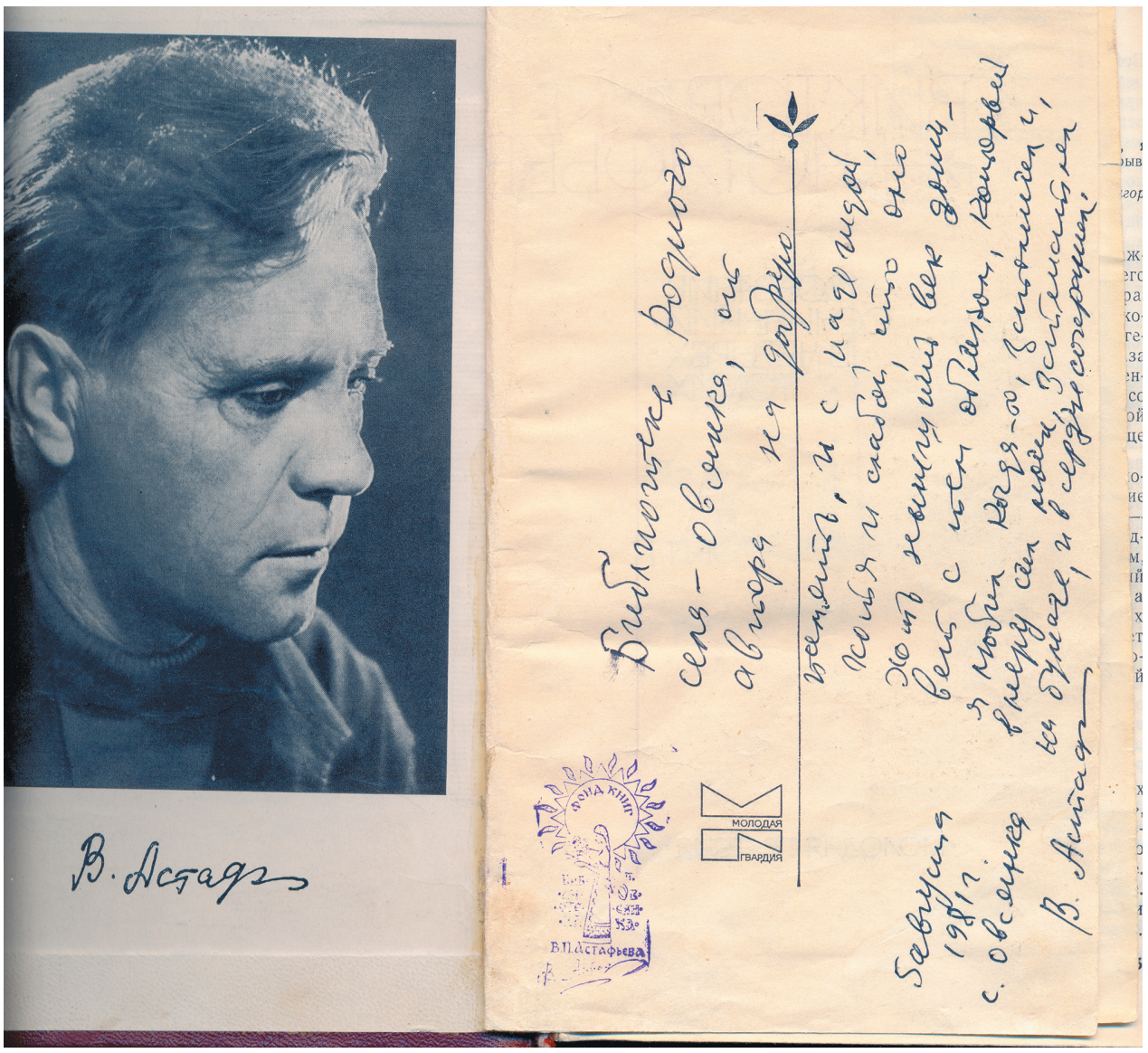
И всё же...

«Родное село – это самое главное, самое святое место у человека. Где бы я ни был, где бы ни жил, всегда помнил об этом. А библиотека села – это окошко родного дома, где всегда светит приветливый огонёк», – писал Виктор Петрович. Родной дом – он для своих, самых близких, тех, кто совсем-совсем рядом. Для этих людей мы и работаем в первую очередь. Не зря Анна Епиксимовна Козынцева сказала, недавно побывав у нас в гостях: «Библиотека – родной дом Виктора Петровича. Сколько было у него боли, переживаний за ее строительство... Я уверена: сейчас душа Виктора Петровича здесь. Когда я зашла сегодня в библиотеку, окинула ее взглядом – мне стало тепло. Цветы, картины, люди, книги – в ней есть всё, что любил Виктор Петрович. Библиотека – живая! Поэтому верю: он с нами, смотрит на нас и радуется».

Уникальная библиотека-музей – не единственное, что досталось в наследство Овсянке от Виктора Петровича. Храм Иннокентия Иркутского, освященный в 1998-м, Литературный сквер, заложенный в том же году, тоже созданы Астафьевым – его заботой, мечтами и стараниями. Сегодня оба эти места не похожи на мемориальные объекты, они – часть обычной, ежедневной жизни Овсянки: в храме проходят службы, а в сквере играют дети. Всё людям на радость и на пользу – как и хотел Виктор Петрович.

P.S. Когда строительство нового здания библиотеки завершилось, ее предлагали назвать именем Астафьева. Но Виктор Петрович сказал: «Не хороните меня раньше времени» – и при его жизни этот вопрос больше не поднимался. Но – и это важно! – библиотека-музей и сейчас не «имени Астафьева», а просто – «Астафьева». Потому что дом, в котором живет человек, не носит его имя, а принадлежит ему.

Юлия Лобанова,
заведующая музейным отделом
Библиотеки-музея В.П.Астафьева,
село Овсянка

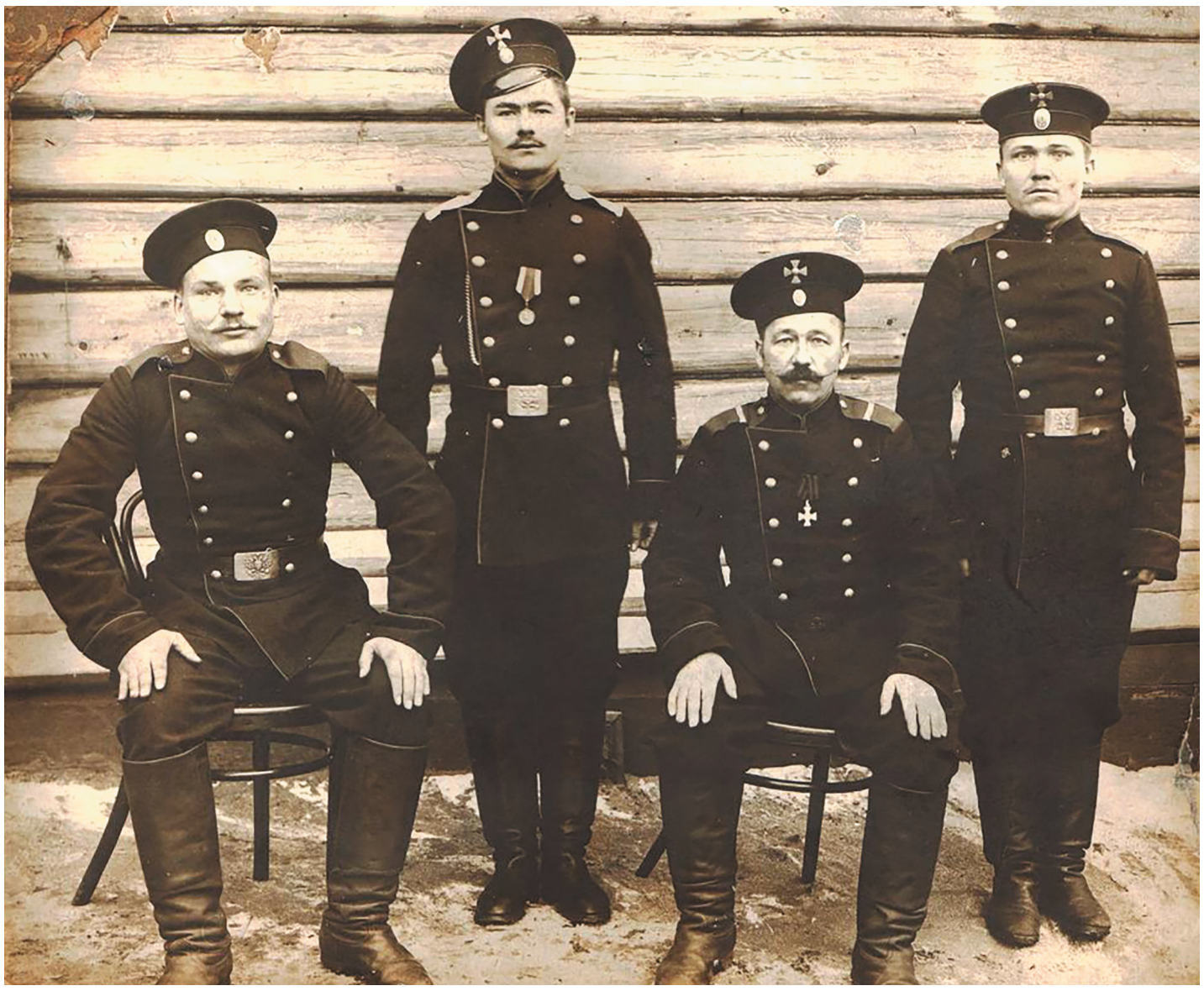

№ 12
29 декабря 2025 г.

ВРЕМЯ

Информационно-
просветительская
газета

**Первый в верхнем ряду двоюродный прадед Дмитрий Кузьмич Ерзямкин с сослуживцами. 1911 г.
Источник: https://ru.openlist.wiki**

ЧЕЛОВЕК ПРОБУЖДАЮЩИЙСЯ

Посвящаю отцу Михаилу Тенятникову

***

Помнишь, как мы в тайгу на великах гоняли? Сомиков в речке ловили на вилку. Перешагивали осторожно с камня на камень, как бы не соскользнуть в ледяную воду и не спугнуть рыбу, поднимали плоские камни поменьше: сомик стоял в воде, покачивая усиками и плавниками. А ты его вилкой – раз! Сомик величиной-то с палец, а наловили мы их тогда целую сковороду. Со сметанкой, да с лучком, вот пир был... Помнишь? «Нет, отвечает, я из детства почти ничего не помню». Встретишь старого друга, а поговорить не с кем.

***

Еду в деревню на такси. В детство теперь сложно добраться на рейсовом автобусе. На редкие попутные машины и вовсе не рассчитывай. Автомобилей в каждом дворе одна-две, а доехать не с кем. Белые пластиковые окна в почерневших срубах смотрятся инородно, точно пришельцы из будущего. Новых домов за последние тридцать лет почти не построили, но старые вроде переезжать не собираются. Тут крышу перекрыли, здесь баню поставили. Колхоз расколхозили. В деревне остались жить те, кому терять нечего, вернее – кто не потерялся в новейшей реальности окончательно. Остальные разъехались, кто в райцентр, кто в Край, а кто за выслугой лет в мир иной. Всё вернулось на круги своя. Есть здесь и батраки, и кулаки, и местный барин с джипом-мерином и табуном кобыл.

***

Читая рассказы, присланные на конкурс, не раз и не два ловил себя на мысли, что людей в стране объединяет отношение к земле, которая их кормит. И чем ближе они к ней в буквальном физическом смысле слова, тем интереснее, искреннее их истории. Но чего-то мне в них не хватало. Погружаясь в колодец собственной памяти, я понял, мне хочется ощутить в написанном слове

Дом бабушки Марии и дедушки Павла Зейб. Красноярский край. Деревня Чурюково

Броцман Александр и сын Сергей, Тенятниковы Михаил и сын Сергей. Красноярск. Заповедник «Столбы». Вторая половина 80-х

Тенятниковы с детьми. Верний ряд: Гавриил, Степан (прадед). Нижний ряд: Акулина Никаноровна, Анна, Михаил Матвеевич, Дмитрий. Красноярский округ. 1926 г.

Отец Михаил Тенятников. Вторая половина 50-х

конфликт между протагонистом и миром, услышать исповедь о детских проделках, отповедь проступкам взрослых, о разнице во взаимоотношениях между людьми в деревне и в городе…

Детьми мы «хорьковали», то есть подворовывали с соседского огорода. Чужой огурец казался слаще, чем с собственной грядки. Но в деревне все и вся на виду, и «загнавшего хорька» при желании всегда можно было отловить. Хотя дети и сами были мастаками попугать друг друга. Так рассказывали, что в своём обширном малиннике один мужик, похожий на подраненного кабана, расставил капканы на маленьких воришек. У нас городских ни разу так и не возникло желания проверить правдоподобность этой байки. С другой стороны, никому в голову не приходило, что можно оставить соседа без урожая. В городе другое дело. Здесь «хорьки» водились размером с «медведя». Бывало, на даче то инвентарь пропадёт, то картошки пару рядков подкопают. Однажды и вовсе половину урожая «тимуровцы» помогли убрать. По-братски, значит. Думали на ближайшего соседа – только не пойман, не вор. Да, был бы и пойман, что делать с этим зверем? Ходили слухи о случаях самосуда над застигнутыми на месте дачного преступления. Сейчас эти происшествия вспоминаются как анекдоты, тогда они были пусть небольшими, но трагедиями для нашей семьи. Время ли было банальнее? Люди ли были прозаичнее?

***

Слышать песню кукушки в призрачности леса способен каждый. Разглядеть же кукушку в реальности ветвей – вот настоящее! Рассказы в номинации «Весёлый солдат» взбудоражили меня, онемевшая было память, залепетала, заговорила, заголосила. Казалось бы, нечего больше плакать, но нет. Точно в половодье Память моя вышла из русла времени: Филипп и Степанов.

Брат моего прадеда попал в первые дни войны в окружение. Бродил по белорусским лесам. Попал в плен. Повели его два старых немецких солдата на расстрел. Выстрелили в воздух. Простая история без соли и перца. Филипп пошёл дальше, куда глаза глядят. Вышел к очередному хутору. А там: «Степанов! Сосед! Из родной деревни!» Подвязался батраком к местному поляку. Что Филипп в этот момент переживал? «Этого не может быть. Это же сказка какая-то. Свой. Земляк. Братишка!» Степанов же оказался парнем реалистичным. «Уходи, говорит, Филипп. Тут места только для одного». Вот такие бывают русские Авели и Каины. Вот такие русские сказки. Наверное, всё должно было закончиться там, на этом хуторе. Но Филипп ушёл и вернулся домой. А Степанов остался и… тоже вернулся. И жили они в деревне в прямом смысле бок о бок – через забор. Два очевидца. Вроде, как и состава преступления нет. Только совесть человеческую не может отменить даже война. А сгинул бы Филипп, легче бы жилось Степанову? Прощения просил у зёмы своего. Филипп простил. Только история осталась в Памяти и дожила до меня сегодняшнего.

Мы и впредь будем заимствовать темы для конкурса у Виктора Петровича, чьё творчество будит читателя, даёт повод для воскрешения памяти. Ведь именно Память делает человека Человеком, а Человек пробуждающийся иногда становится Писателем. Дальше как Бог даст.

Сергей Тенятников, поэт, переводчик, видеопоэт. Член редакционного совета журнала «Веси» и Оргкомитета Конкурса короткого рассказа «Здесь вам не Сибирь…» памяти В.П.Астафьева.

Сергей с дядей Александром Тенятниковым. Красноярский край. Поселок Курыш. 80-е годы

№ 12
29 декабря 2025 г.
ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета

«РЫБА ТОЖЕ ЛЮДИ...»

Море стояло, словно суп в огромной тарелке. И на горизонте, как и положено, сливалось с небом. На пляже в этот рассветный час было пусто: местные жители сюда почти не ходили, для тех, кто приезжал к родственникам в гости, рановато. Только мой отец и его брат Борис совершали свой обязательный утренний заплыв. Мы с сестрой, насупленные и сердитые, наблюдали за ними с берега. Разбуженные на рассвете громким криком отца: «Вставайте, всю красоту проспите!», из чувства протеста против его командирских замашек и казарменной дисциплины упорно валялись на песке.

Вдруг мы увидели какое-то движение возле мирно плывущих купальщиков. Внезапно над безмятежной поверхностью моря взметнулся к небу фонтан из пены и брызг. В руках отца забилось что-то большое. «Рыба!» – крикнул он. Мы с сестрой вскочили. И, подбежав к самой кромке воды, стали прыгать и кричать, не в силах помочь этой странной ловле. Рыба постоянно выскальзывала из рук. Только и люди не собирались сдаваться. Они пытались удержать здоровенную рыбину, но она каждый раз вырывалась и бросалась в воду. Похоже, она была оглушена веслом, как-то умудрилась удрать с рыбацкой лодки и вяло плескалась на поверхности, когда её заметили пловцы.

– Не поймают! – крикнула сестра. – Эх, уйдёт!

– Эге-гей! – завопила я, азартно размахивая над головой полотенцем. – Поднажмите! Вот же, вот она!!!

Рыбина, словно услышав наши вопли, высунула из воды голову и как-то криво оскалилась – а вот фигушки вам! В это время отец догадался схватить её за жабры и рванул к себе. Борис пытался удержать ускользающий хвост, в панике беспрерывно бьющий по воде. И всё это они умудрялись проделывать, оставаясь на плаву...

Уставшие, наглотавшиеся солёной воды, «рыбаки» подтащили гигантскую рыбину к берегу и, выкинув её на сушу, рухнули рядом. Мы подбежали ближе.

– Ничего себе... – изумленно пробормотала сестра.

На песке валялось морское чудище не меньше метра длиной. И, выдернутое из привычной стихии, всё-таки не оставляло надежды в неё вернуться. Изогнувшись в отчаянном броске, оно пару раз ударило хвостом по песку, и я отпрыгнула в сторону. Мне показалось? Или рыба вправду тяжело вздохнула... Какое-то неясное в своей неловкости чувство шелохнулось где-то глубоко внутри и грустно затихло. Я взглянула на отца: «А сейчас мы его отпустим, да?», но тому было явно не до сантиментов.

– Осётр! – гордо сказал отец. – Вот это шашлычок мы из него сварганим!

Каждое лето отец привозил нас с сестрой к деду в рыбацкий поселок на берегу Каспийского моря. В 33-м году его семья бежала с Кубани на юг от страшного голода. Отец не любил рассказывать об этом исходе, знаю только, что его обессилевшего брата Борьку дед приказал бросить на дороге, а бабушка посадила на закорки да так вот и несла. Дед был жёсткий до жестокости. У отца моего, воевавшего, раненного не раз офицера-орденоносца, служившего в секретных военных частях, похоже, сохранился на всю жизнь этот безотчетный детский страх: он разъел его нутро так, что и в зрелом возрасте рана не заживала и саднила. Решение деда, его слово не обсуждалось.

Дед откровенно не любил и даже побаивался только одного человека. Мою маму. И было за что. Здесь случилось всё ровно по поговорке: нашла коса на камень. Мать отвечала деду взаимностью и редко навещала свёкра. Приехав же, устанавливала на время нашего отдыха свои порядки и только улыбалась, когда дед шипел, думая, что она его не слышит: «Ишь, генеральша...»

Так дошли мой отец с братом и родителями до Каспия и осели в посёлке у моря. Был там богатый рыболовецкий совхоз, а потом о нём напоминали лишь старые баркасы на берегу, в тени которых мы прятались от прожигающего кожу солнца. Промышленным ловом здесь уже давно не занимались, браконьерничали на продажу да для себя рыбачили. По посёлку была протянута узкоколейка, по которой, весело пыхтя, бегало чудное изобретение под названием мотовоз – до железнодорожной станции Хачмас и обратно. В чайхане в любое время дня можно было увидеть уважаемых стариков в папахах и мужчин помоложе, они пили чай из специальных стаканов «армуду», напоминающих по форме грушу, и вели неспешные беседы.

На улице нашей под названием Коммунистическая жили бок о бок русские, азербайджанцы, армяне, осетины, лезгины, евреи... Настоящая коммуна, словом. И можно только себе представить, какие блюда входили в репертуар моей бабушки!

Но апофеозом так любимой нами кавказской кухни был, конечно же, шашлык. Причём, шашлык из осетра считался блюдом поистине деликатесным: даже живя на берегу Каспия, мы не могли похвастаться, что так уж часто его ели. И уж тем более нам никогда не приходилось получать такие подарочки от морского царя.

Словом, это было настоящее чудо! И оно лежало на нашем столе, а мы сгрудились вокруг.

– Справная телушка! Как же вы её словили?! – бабушка восхищённо поцокала языком и провела ладонью по наждачному рыбьему боку. Рыбина вздрогнула и дёрнула хвостом.

– Сопротивлялась, подлюка! – отец гордо похлопал осетра по шипастому хребту. – Врёшь, от нас не уйдешь! Ну, кто будет разделывать?

К столу уже спешил дед с огромным тесаком. У меня внутри вновь шелохнулось что-то угловатое и теперь уже больно зацарапало своими краями. Мне совсем не хотелось смотреть, как рыбу будут чистить и рубить на куски. Поэтому я ушла в сад, где у меня было своё укромное место: шалаш из яблоневых веток, и решила, что вернусь только к концу процесса. Или вообще – когда есть позовут... Осетра мне было жалко, но мой голос в иерархической системе нашей семьи весил ещё меньше, чем тявканье дворового пса по кличке Мальчик. В шалаше лежала только начатая, но уже захватившая целиком моё воображение книга «Дерсу Узала». Я открыла её и углубилась в чтение...

Но уже через час совершенно нереальные запахи выманили меня из укромного убежища, и я, как за дудочкой крысолова, поплелась на этот аромат, не особо сильно сопротивляясь. Во дворе уже вовсю полыхал мангал, огонь пожирал пахучие ветки виноградной лозы, они превращались в ломкие угли и рассыпались рдяно тлеющей золой. Отец, священнодействуя, насаживал на шампуры осетрину, исходящую жиром, аккуратно приминал, закреплял каждый кусок шапочкой из помидора и лука и – вжжик! – ловко цеплял следующий шмат.

Готовые шампуры уже лежали ровными рядами на краю большущего таза.

– Борис, посмотри, как там угли, не пора? – крикнул отец.

– Давай, клади! – отозвался дядька. Отец осторожно, как младенца, взял в руку первый шампур, нежно опустил его на край мангала. Капля жира стекла на угли, и они тотчас же отозвались недовольным шкворчанием, которое то затихало, то усиливалось по мере того, как отец выкладывал эту рыбно-шампурную мозаику над пышущей жаровней.

– Ну вот, минут двадцать и... Мать, собирай на стол!

Бабушка засуетилась, забегала из летней кухни под виноградный навес, и на столе начали как по волшебству появляться лаваш, ткемали, горы зелени всех цветов – от нежно-салатового до иссиня-фиолетового, искрящиеся на разрезе помидоры, кастрюля с холодным аджапсандалом и запотевшая бутылка тутового самогона.

–Деда, деда-то покличьте, отдохнуть пошёл в хату! – бабушка махнула Борису рукой.

– Нехай ещё подремлет, щас всё готово будет, тогда и позовём!

– Тащи! – отец кивнул на эмалированный таз, приготовленный для шашлыка. Я обречённо двинулась к мангалу, подставляя посудину под невероятные янтарно-солнечные куски истекающей соком рыбы.

– Ого-го! – отец ловко укладывал ломти шашлыка горкой. Они возвышались как тот Эльбрус, источая запах костра, виноградной лозы, солёного моря, загорелой кожи, солнца и лета.

– Готово! Неси на стол! – отец, довольный, предвкушающий пир горой с неспешной беседой и уже сто раз повторенным, но обрастающим всё новыми подробностями рассказом о том, как они с братом поймали осетра, любовно оглядел эту красоту. Я, затаив дыхание и крепко прижав таз к груди, маленькими шажками двинулась к столу...

За что я зацепилась, не знаю. И вообще, зацепилась ли... Я дальше плохо всё помню. Но на спасительную мою забывчивость будто кнопками пришпилили одну яркую картинку: кто-то безжалостный вырывает таз у меня из рук, он взмывает вверх, куски рыбы подлетают вместе с ним, но не падают аккуратненько на место, а разносятся по всему двору, а я почему-то лежу носом в пыли. И понимаю, что никто никогда меня не простит.

Бабушка попыталась было отклеить меня от ножки стола, в которую я вцепилась, но я сопротивлялась изо всех сил – оставьте, я лучше умру, как эта несчастная рыба. Отец, недолго думая, схватил меня, как котенка, за шиворот и дёрнул вверх.

– Чего разлеглась! Собирай, быстро!

– Ты что, Петруша, ты что? – засуетилась бабушка. – Да разве ж это можно теперь есть?!

– Быстро, я сказал, все сюда! – зарычал отец. – И от песка отчищайте!

– А ты, – он кивнул остолбеневшей сестре, – бегом к деду. Скажи, что не готово ещё, пусть не торопится. Задержи, как хочешь!

И вот мы – я, всхлипывающая и дрожащая от ужаса за содеянное, зло молчащий отец, охающая бабушка и матерящийся дядька – бросились собирать только что светившиеся янтарным светом куски шашлыка, и отряхивая каждый от песка, складывать в таз.

– Быстрее! – громким шёпотом подгоняла сестра, высунувшись из окна. – Дед в туалет собрался!.. Не-

не, дедушка, всё нормально, ты не торопись, давай, я тебе помогу...

...Таз с шашлыком торжественно высился посреди стола. Мы, красные и потные, расселись на своих местах. Дед прошёл к рукомойнику, поплескал водой на ладони.

– Давай, отец, садись, будем шашлык пробовать, – напряжённо улыбаясь, сказал ему Борис.

– Давайте, давайте, что ж не попробовать! – дед вдохновенно потёр руки. – Наливай, Петруша! Под такой-то шашлык...

Отец молча разлил тутовку по стопкам, взял с верха рыбного Эльбруса большой кусок шашлыка и дрожащими руками шмякнул его на тарелку деда. Молчание повисло в воздухе у нас над головами и стало густеть, наливаясь тяжёлой тишиной, как соком. Дед взял тарелку с шашлыком, любовно опрокинул стопочку, удовлетворённо, с оттяжкой крякнул. Лоскутом лаваша подцепил рыбу и отправил в рот. Все замерли. Даже Мальчик не громыхал цепью. Дед медленно жевал, качая головой и причмокивая.

– Ну как? – не выдержал отец и похоже перестал дышать. – Как шашлычок? Годится?

– Ну... что ж... – в это время у меня в животе ещё сильнее что-то зацарапалось, будто собралось громко заявить о своём присутствии, и стало огрызаться на мои судорожные попытки затолкать его обратно.

– Ну что ж... годится!

Отец шумно выдохнул и одним махом опрокинул в рот стопку с тутовкой: «Ээээх!» Игра в «Морская фигура, замри» тут же закончилась, все зашевелились, заулыбались и стали накладывать себе куски рыбы. Только я никак не могла выйти из ступора и, уставившись в пустую тарелку, смутно понимала: если я сейчас проглочу хотя бы крошечный кусочек этого проклятого шашлыка, тот, кто поселился пару часов назад у меня в животе, уж точно оттуда выберется на волю. И пока не поздно, мне нужно во что бы то ни стало уговорить его не высовываться.

– А ты, внучка, чего ж не ешь? – дед наконец-то увидел моё перевёрнутое лицо.

– Да у неё... – заспешила на помощь бабушка.

– Да у меня... живот болит! – я выскочила из-за стола и помчалась к туалету. Из шалаша выглядывал Дерсу Узала и в такт моим шагам кивал: «Рыба... тоже... люди... Наша... его... понимай... нету... Рыба... тоже... люди...»

– Вот говоришь, говоришь им – не ешьте зелёную алычу, всё как об стенку горох, – неслось мне вслед...

Мой отец при своей внешней суровости был человеком мягким, бесхитростным и откровенным. Когда он был мальчишкой, по продразвёрстке увели с их двора единственную корову, потому что он честно рассказал дяденькам, где её спрятали. Дед тогда чуть не пришиб пацана, бабушка заслонила собой, за что и была избита до полусмерти. Но этот случай не сильно отразился на характере отца: он так и не научился хранить никакую тайну, за что мама, очень закрытая и сдержанная, довольно едко его вышучивала. Я знала об этой особенности, но не могла даже представить дальнейшего развития сюжета: подвыпив и расхрабрившись, отец вдруг решил признаться деду, что... уронил таз с шашлыком. Нёс к столу и за корень черешни зацепился. Дед помолчал и произнёс:

– Таку рыбу спортили! Как есть безрукие!

Отец обиделся.

– Если бы я не сказал, ты бы и не узнал – вон ел и нахваливал!

– Дак ел, а понять не мог – чевой-то у меня на зубах песок скрыпить?!

Мне рассказала об этом сестра. На похоронах отца...

Лауреат конкурса (1-е место) – Людмила Шилина, писатель. Литературный псевдоним Анна Вислоух. Член Союза журналистов и Союза писателей России. Воронеж

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЖИЗНИ

Маргариту Карловну Уразову, ведущего пушкиноведа своего времени, к концу жизни настиг Альцгеймер. Печальный финал, от которого никто из нас, увы, не застрахован.

Маргарита Карловна – человек старой закалки и железной воли. Собрала все силы в кулак, вступила в борьбу с болезнью. Мир, как учил нас Шопенгауэр, есть воля и представление. Маргарита Карловна, словно полководец в заведомо проигранной войне с бесконечно более сильным противником, могла лишь маневрировать остатками своего «войска» и решать, что сдать сейчас, а что чуть позже.

Врачи скажут, что Альцгеймер протекает совсем не так, и не больной, а болезнь решает. Но только не для тех, для кого мир действительно «воля и представление».

Родственница, которая была многим обязана Маргарите Карловне, взяла её под свою опеку, оформила больной инвалидность и пенсию, сдала в аренду её квартиру пусть и не в самом престижном, но районе Москвы. На образовавшиеся деньги наняла сиделку, и жизнь вошла в какую-никакую, пусть и скорбную, колею.

Ежедневно Маргарита Карловна Уразова дралась за свой мозг, свою память, своё здравомыслие. Проигрывала, но не отчаивалась и решала, от чего отказаться следующим.

Сначала отказалась от памяти обо всех бюрократических процедурах своего института. Потом сдала воспоминания о неприятных коллегах, затем о приятных. Забыла карту Москвы, схему метро, режим работы продуктовых магазинов и, конечно, порядок цен...

Она отдавала болезни всё, включая лица и имена родственников, и в итоге у неё остался только Пушкин.

Тут болезнь дала ей передышку почти в три года длинной.

Всё это время Маргарита Карловна, никого не узнавая, общалась с окружающими исключительно строками Пушкина.

«В деревне скучно,
Грязь, ненастье,
Осенний ветер,
Мелкой снег...»

«Мелкой» – она помнила даже такие мелочи.

Если кто входил в её комнату, она могла встретить его цитатой из «Гробовщика»:

– «Вы пожаловали ко мне, войдите же, сделайте милость».

Глядя на выступление очередного зарубежного президента по поводу российско-украинского кризиса говорила:

«Оставьте: это спор славян между собою
Домашний старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы».

И добавляла:

– «Нет, дерзкий хищник, нет, губитель».

Все слова, что она изрекала, впору было заключать в кавычки, поскольку то были исключительно цитаты из Александра Сергеевича.

Но, надо сказать, эти рамки её не смущали. Русский гений велик тем, что на каждую ситуацию у него найдется, что сказать. А учитывая, что все стихи, и даже часть прозы «солнца русской литературы» она знала наизусть, больших проблем в общении Маргарита Карловна не испытывала.

Если видела на прогулке чем-то привлекшую её внимание старушку, могла сказать:

«Старушечка, чуть-чуть жива,
Горбатая, совсем седая».

Впрочем, она периодически говорила это и глядя на себя в зеркало.

В лунные ночи, стоя у окна, шептала перед тем, как отправиться спать:

«Плывёт луна, царица нощи,
Находит мгла со всех сторон
И тихо на холмах почила;
Княжну невольно клонит сон».

Не «клонит в сон», опять же замечу, а «клонит сон», как у Пушкина. У этого разрушающегося организма в своё время была потрясающая память.

А потом болезнь, словно решившись взять реванш за три года простоя, взялась за дело с оглушающей скоростью. За три месяца Маргарита Карловна сдала всю прозу без остатка и приступила к сдаче юношеских стихов.

Она дралась отчаянно, защищая строфы, каждое слово, и, тем не менее, проигрывала, проигрывала...

Пришёл черёд, она забыла «Полтаву», Руслана и Людмилу», «Русалку» «Пир во время чумы», «Моцарта и Сальери», «Медного всадника», «Домик в Коломне»...

Остался один «Евгений Онегин». Она билась за него, как тигрица. Бросила на защиту все силы. Повторяла день и ночь строки, главы.

Но и «Евгения Онегина» ей хватало, чтобы изъясняться с сиделкой и родственницей. Если хотела гулять, говорила:

«Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест».

Если её не понимали с первого раза, находила ещё цитату:

«Одевши пышный бовуар,
Онегин едет на бульвар».

Тут сомнения исчезали.

Но она забывала. Как ни сильна была её воля, каждый раз, просыпаясь утром, она понимала, что забыла новую главу из поэмы. А иногда и две-три.

Сердце её рвалось от понимания того простого факта, что она приближается к состоянию овоща. Чайного гриба в банке, традесканции на подоконнике, мухи, запутавшейся в паутине.

И тогда, пользуясь последними мгновениями свободной воли, она, отведя пожар от оставшихся глав «Евгения Онегина», сдала те участки мозга, что ответственны за работу почек, печени, селезёнки, щитовидной железы... А потом отдала разрушению пучки нейронов, ответственных за лёгкие и сердце. Последними словами Маргариты Карловны стали: «А счастье было...»

Лауреат конкурса (2-е место) – Игорь Малышев, писатель, поэт, драматург. Ногинск, Московская область..

№ 12
29 декабря 2025 г.

ВРЕМЯ

Информационно-
просветительская
газета

БИЛЕТ СО СКИДКОЙ

«Как же прекрасна жизнь во всех ее проявлениях», – думала Алина Петровна, стряхивая с плеча назойливую пчелу, что, набрав полные мешочки нектара и не в силах лететь, уже несколько раз цеплялась ей за край рукава. С самого утра в хлопотах, сейчас она спешила в город по делам, а сегодня их было как никогда много. Отмечая в ежедневнике все, что нужно сделать, ругала себя:

– Может, уже пора угомониться, скоро муж из дома выгонит, вот кому оно надо? Так, не забыть:

1. Библиотека – договориться о встрече на август.

2. Музей – литературная экскурсия. Когда будет группа?

3. Музейная лавка. Занести книги.

4. Литературный клуб. По поэтическому вечеру решить вопрос с помещением.

5. Магазин?

Так, что мне нужно в магазине? Алина, ну вот ты в своем уме, надо еще в аптеку зайти, купить для памяти что-нибудь. Итак:

5. Магазин: курица, сметана, майонез. Не забыть про книжный магазин, три томика Асадова, три Ахматовой. Да что сегодня со мной, мысли скачут, ладно в магазине по ходу соображу.

6. Аптека – гинкго билоба для памяти и магний от давления. Еще и Евгеше витаминки, – разговаривая сама с собой, рассуждала она.

Алина Петровна Сергеева несколько дней назад вернулась из отпуска. Целых две недели с внучкой у моря, путешествие в горы, на чайные плантации с дегустацией меда, незабываемые минуты. Вернувшись в родной город, она окунулась в повседневную рутину, и от отдыха не осталось и следа, одни воспоминания да мечты о новом путешествии. Алина Петровна была дама средних лет, как ей казалось, совсем не стареющая – энергичная, полная идей и планов. Уже более пятнадцати лет она занималась литературным творчеством и считала себя писателем. Она много работала в этом направлении, писала книги, искала спонсоров для печати своих трудов, встречалась с читателями, ходила на встречи с коллегами по перу. Старалась быть нужной не только своей семье, но и городу. Очень гордилось своим умением держать аудиторию, и в этом нет ничего удивительного, она много лет проработала в школе и умела красиво говорить. Городок маленький, и люди ее знали, узнавали на улице, кто удивлялся ее стараниям, а кто и посмеивался над ее стремительностью и желанием успеть везде.

Был пасмурный теплый день. Сегодня она спешила в магазин, а по пути нужно было сделать еще множество дел, что были запланированы. Нагрузившись книгами для музейной лавки, она тяжело шагала, разглядывая изменения на улицах любимого города. Писатели – люди наблюдательные, и Алина Петровна, следуя знакомым маршрутом, всматривалась в старые дома, примечая обновления. «Ставни покрасили, а как красиво васильковый гармонирует с белым, прямо дом повеселел», – подумалось ей, когда ее окликнула соседка.

– Алина Петровна, доброго дня! Где пропадала? Чего-то не видно вас совсем, на конкурс, небось, ездили в столицу? А нагрузились-то опять, дела?

– Здравствуй, Галина. Нет, какие конкурсы летом? Их все осенью проводят да весной, а я с Евгешей к морю ездила, отдыхали, а это так, книги. Опять в лавке все разобрали, вот несу, – похвалилась женщина.

– Вот ведь неугомонная вы, – улыбнулась соседка.

Алина Петровна пожала плечами, немного смутившись, иногда ей было странно, что люди ее не понимают.

– А к морю – это хорошо, а у нас так дожди зарядили, спасу от них нет! И дорого ли поездка обошлась?

– Путевка еще сносно по цене, а вот на самолет билеты дорого, если б не книги, то не потянула бы, – пожаловалась Алина Петровна, вспоминая, как следила за ценами на билеты.

– А вы слыхали про скидки? Говорят, хорошие скидки дают, и самое удивительное, за хорошие дела.

– Как это за хорошие дела? – спросила писательница удивленно и тут же вспомнила статью в интернете о балльной системе в Китае.

– Да-да, мне Зинаида Ивановна рассказала, что вроде как в здании, где цветочный магазин, на втором этаже, там вывеска есть, – пояснила соседка.

– Да вы что? Надо сходить, узнать. Неужели и у нас вводят систему рейтинга граждан?

– А это еще что такое?

– Да, читала я статью, в Китае так. Ну, заходи на чай, я из Сочи орешки в меду привезла, угостишься, там и расскажу подробно, – важно ответила Алина Петровна.

– Забегу как-нибудь!

Распрощавшись, Галина поспешила по делам, а Алина Петровна решила заглянуть в агентство, где раздавали скидки, после того, как сделает всё запланированное. Время летело быстро, женщина успела зайти в библиотеку, музей, отдать на продажу книги и взглянула на часы.

– Скоро час, небось, на обед закроют агентство, где скидки дают, надо зайти, а в магазин после. Такие дела сразу делаются, не думаю, что долго работать станут, за хорошие дела авиабилеты раздавать... Странно как-то.

Высокое красное здание с длинным крыльцом сильно отличалось от купеческих построек, что сплошь находились на этой улице. Алина, чуть помешкав, поднялась на крыльцо, холл встретил женщину запахами свежей краски, она увидела обновленные ступени и яркую вывеску на дверях: «Аурафлот – летайте с нами, скидки за ваши хорошие дела».

«Скидки за хорошие дела? Смотри-ка, и правда. А вот за хорошие дела – это что-то новенькие, интересно. Не обманула Галина», – подумала, снова удивляясь, Алина Петровна и открыла дверь. Высокая мраморная лестница вела сразу на второй этаж, пузатые колонны торжественно поддерживали потолок с причудливой лепниной. Длинный, залитый теплым светом зал был разделен на две части. Сразу у входа стояли высокие круглые столы с письменными приборами, точно такие, как в ее молодости на почте, на них лежали анкеты для заполнения. Немногочисленные посетители что-то писали, задумчиво вчитываясь в вопросы на желтоватом листе. А в середине зала, как раз за колонами, в два ряда стояли письменные столы, как на экзаменах, за ними сидели люди, принимающие документы. Окна в пол пропускали столько света, что хотелось прищуриться. Алина Петровна огляделась, ни одного знакомого лица. «Странно, никого не знаю, и откуда эти люди тут? А свет-то какой яркий, хотя пасмурно на улице...» – отметила про себя она необычное явление. Принялась было считать столы, но тут же осеклась, вспомнив, зачем пришла. Она взяла листок с анкетой и прочитала: ФИО, дата рождения, род занятий, а дальше перечень добрых дел, сорок пунктов, дата и роспись. Все обычно, вот только перечень добрых дел ее немного смутил.

– Странный какой-то документ, деньги за добрые дела. Это ж сколько Аурафлот денег потеряет, если за добрые дела скидки давать? – прикинула она и сказала сама себе. – Ну, добрых дел у меня завались, а если и временной промежуток не ограничен, то за свои пятьдесят пять лет я их столько наделала, что на две скидки хватит.

Через несколько минут документ был готов, перечитав еще раз и удовлетворившись написанным, она улыбнулась в предвкушении скидки. Алина Петровна посмотрела по сторонам, несколько человек еще корпели над своими бумажками, кто кусал колпачок ручки, кто, поправляя очки, смахивал со лба пот. Немного раньше мимо нее прошел к свободному столику крепкий седовласый мужчина и, присев на стул, подал анкету сотруднику агентства. Алина решила, что ей тоже пора, довольная, что так быстро управилась с документом, она подошла к столу, за которым сидела женщина.

– Разрешите?

– Пожалуйста, – ответила сотрудница в старомодном кримпленовом платье с белым отложным воротником и смешными каштановыми кудряшками, словно только что снятыми с бигуди.

«Платье как у мамы на фотографии, когда мне было пять лет», – подумала Алина Петровна, разглядывая сотрудницу.

– Вот, пожалуйста, я все заполнила, – протянула она анкету.

– Хорошо, сейчас проверим. Сергеева Алина Петровна, – прочитала странная женщина. – 1968 года рождения, род занятий: писатель. Правильно?

– Да, все правильно.

– Одну минуту, – сотрудница открыла верхний ящик стола с картотекой.

В картонной коробочке с нумераций по буквам, написанным красными чернилами, стояли карточки, словно в районной библиотеке или поликлинике. Только сейчас Алина Петровна поняла, что ни на одном столе нет компьютеров, и это выглядело очень странно. Женщина отодвинула ярлычок с буквой С и нашла нужную бумажку, быстро сверила с анкетой и убрала все на место, задвинув ящик.

– Итак, начнем анализ ваших добрых дел, – начала сотрудница, она держала в руках авторучку с тремя цветами, точно, как учительница. – Первым пунктом вы пишите: «Придумали акцию «Тюльпановая весна» к юбилею города, нашла спонсоров, закупила луковицы, привезла в город, инициировала посадку». Вы считаете это добрым делом?

– Да, конечно, это моя инициатива, хлопоты для города, и большую часть денег я заплатила сама.

– Мы не можем считать это добрым делом, так как вы имели вторичную выгоду, – сказала сотрудница и поставила зеленый прочерк напротив первого пункта.

– Какую это вторичную выгоду я здесь имела? – возмутилась Алина Петровна.

– Самую настоящую, когда вы придумали эту акцию, вы решили, что народ вас стал забывать, книгу в этом году не выпустили, награду никакую не получили, газеты о вас не пишут, интервью не просят. И таким образом вы притянули интерес общественности к себе.

Алина Петровна задумалась, слушая эту необычную женщину. «А ведь и правда, я решила, что нужно напомнить о себе. Но разве одно другому мешает?» – вспомнила она, как все начиналось.

– Ну а как же здоровый эгоизм? Даже теория такая есть, о высшем Я, – начала было доказывать свою правоту Алина.

– Здесь все эти теории не работают, мы принимаем только настоящие добрые дела, без всякой примеси Я, – строго ответила сотрудница и прочитала пункт номер два. – Подарила приятельнице красивые вещи и пригласила ее на торжественную встречу, – зеленый прочерк опять заставил Елену возмутиться.

– А тут-то почему? Когда я это делала, то я не думала о корысти и даже моральной.

– Но вы осуждали детей этой женщины, что они не могут помочь матери. И в ее глазах хотели быть лучше них. Ваше эго заставляло вас так действовать.

– Так по вашей логике, добрых дел совсем нет? – буркнула Алина Петровна раздраженно.

– Ну почему, вот у вас пункт номер одиннадцать. Подобрали котенка больного и искусанного. А у вас в доме уже было два. Это, несомненно, доброе дело, его мы засчитываем, – напротив цифры одиннадцать появилась красная галочка.

– Получается, что у меня кругом вторичная выгода? – анализируя написанные добрые дела, сказала Алина. – И то, что я на встречах с читателями дарю свои книги и библиотекам раздаю даром? Я ведь хочу, чтобы меня больше людей знали, а это какая-никакая слава. И что праздники в городе провожу на свои средства, это тоже вторичная выгода, внимание людей. Так получается?

– Получается так. Вы где-то прочитали, что творческий человек сидит на песчаном троне. И если под тот трон не подкладывать вовремя песчинки, он рассыплется. Вот вы и подкладываете, как вы считаете, хорошие дела, но это вовсе не то, за что мы даем скидки. Нам нужны настоящие, бескорыстные дела. Как номер тридцать пять. Вы всегда кладете деньги в ящички для сбора средств больным детям, у вас это на автомате.

Алина Петровна молчала, она и пункт-то этот написала случайно, не могла придумать, что еще писать.

– А этот пункт тридцать три почему вы не засчитали добрым делом? Какая тут выгода?

– Купила пожилой женщине в магазине семена, отдала деньги продавцу так, чтобы та не знала. Да, поступок хороший, женщина удивилась, была благодарна, но продавец вас прекрасно знала, и получается, что вы опять имели вторичную выгоду. Вас похвалили и рассказали своим знакомым о вас как о хорошем добром человеке. Синдром Золушки явный. Вы считаете, что вас не за что любить просто так, за то, что вы есть. Вы все время делаете хорошие дела, чтобы вас любили за них, хвалили. Вы хотите быть лучше других или казаться лучше.

Алина Сергеевна задумалась, в ее глазах медленно появлялись слезы, она боялась моргнуть, чтобы соленые ручейки не побежали по щекам. Они долго молчали, глядя друг на друга. Алина вспоминала детство, как старалась учиться лучше всех, выполнять работу по дому и все ради того, чтобы ее заметили-похвалили. «Да, эта женщина права, я выслуживаюсь перед людьми, перед мужем, детьми, родителями, перед самой жизнью. Я никогда ничего не делала для себя, так я считала, а оказалось все наоборот, я имела вторичную выгоду, я все это совершила для себя, не понимая, бездумно, наивно и глупо», – рассуждала она сейчас, почти рыдая, молча, не проронив ни единого звука. Хотелось встать и уйти, но что-то внутри держало ее здесь, она хотела понять, как жить? Если то, что она делала, было неправильно.

– Значит – это плохо, и такие дела не считаются хорошими? – тихо спросила Алина, и предательские ручейки побежали по ее лицу.

– Конечно, считаются, – женщина сделала паузу, подала клиентке бумажный платок. – Но не у нас.

– А как жить тогда? Зачем все это – писать, любить, жертвовать, много работать? Раз все не то?

– Жить, значит... – женщина замолчала, она увела глаза в сторону на сидящего чуть дальше седого мужчину и осеклась на полуслове.

– Что? Как жить? – уже громко спросила Алина Петровна, надеясь, что сейчас поймет.

– Вернемся к анкете, – холодно сказала проверяющая, словно вспомнив, кто она. – Пункт тридцать девять, вы ухаживаете за брошенной могилой на кладбище, – красная галочка появилась рядом. – А все ваши посаженные клумбы, воздвигнутые арт-объекты, написанные сценарии, оплаченные старушкам покупки, подарки подругам, привезенный корм для кошек в приюты, все это – вторичная выгода, ваше высшее Я, ЭГО, – протянула анкету женщина. – Не можем мы вам дать скидку, подумайте над этим.

– А вот пункт семнадцать – помогала молодой соседке с детьми совершенно бескорыстно. Денег не брала, никому о том не говорила, она всегда могла их оставить со мной. Это как?

– На первый взгляд, это дело доброе, но к чему оно привело? У вашей молодой соседки появилось больше свободного времени, она завела себе мужчину на стороне, в итоге ее муж начал ревновать, пить, и семья распалась. Это мы засчитать не можем.

– Но ведь...

– Да, именно благими намерениями... – сухо ответила дама. -– И ваши успехи, победы в конкурсах, лауреатства, чем вы гордитесь, что заставляют ваших коллег вам завидовать – тоже прочерк.

– Но это же я делаю для города, для всех, – почти закричала Алина Петровна.

– Это вы делаете, в первую очередь, для того, чтобы вас выделяли среди других. Да, вы стараетесь, много работаете ради своего Я.

Седовласый мужчина, что сидел чуть дальше за столом, получил голубую карточку и, улыбаясь, с высоко поднятой головой, пошел между столами дальше, в ярко освещенный конец зала. Алина Петровна украдкой глянула в его анкету, напротив каждого пункта красовалась красная галочка. «Это как же надо жить, чтобы получить эту скидку», – подумала она, провожая его взглядом.

– Вы свободны, приходите позже, – сказала женщина ледяным голосом.

– Вы не ответили, про жизнь и...

– Вы свободны, прощайте! – твердо повторила женщина и опустила глаза.

Необъяснимая злость заполняла всю Алинину душу, она ругала себя, что пришла сюда и заполнила эту странную анкету. Вся ее жизнь оказалась вторичной выгодой. И никакой она не хороший человек, а самый настоящий эгоист, желавший известности и дешевой славы.

– Всего доброго, – буркнула Алина Петровна, комкая анкету.

Шагая на выход к мраморной лестнице, Алина Петровна рвала злополучный документ. Пока она не знала, как жить правильно, делать добрые дела тайно или вовсе не делать, жить серо, уныло, но это будет выглядеть смешно и даже глупо. От напряжения у нее зазвенело в голове, сдавило виски, и она чуть не упала, ругая себя за этот визит. Решив, наконец, подумать об этом позже, она спускалась по лестнице и уже у самого выхода увидела женщину. Тоненькая, как ивовый прутик, в черном вязаном платье до пят, обхватив колонну, она рыдала, вздрагивая всем телом. Ее темные длинные волосы слиплись сосульками и трепетали при каждом всхлипывании.

– Что случилось? – спросила Алина, дотронувшись до плеча плачущей женщины.

– Они мне опять не дали эту проклятую скидку, – слова давались ей с трудом.

Ее темные глаза на совершенно бескровном лице казались огромными, бледные сухие губы и острые скулы делали ее облик совершенно трагическим.

– Успокойтесь, ну не дали и не дали, придете в следующий раз, мне вот тоже не дали, – начала уговаривать Алина Петровна.

– Вы не понимаете, я больше не могу, не выдержу, уже три курса химиотерапии, семь лучевых, три операции, у меня нет сил, они обязаны мне ее дать, эту скидку, всего два пункта, два, и опять отказали, – она протянула промокшую от слез анкету.

Два зеленых прочерка на весь документ среди жирных красных галочек. И только сейчас Алина Петровна поняла, куда в этом агентстве дают скидки и этого счастливого уходящего в свет седовласого мужчину.

– Пойдемте, я вам помогу, – тихо прошептала она, обнимая девушку.

– Чем вы мне поможете? Уходите, я никого не хочу видеть, я буду добиваться, я вспомнила, у меня есть, есть еще доброе дело.

Опираясь на перила, девушка побрела вверх по лестнице, не переставая шептать: «Я вспомнила, вспомнила, у меня есть, есть...» – ее хрупкое, истерзанное болезнью тело вздрагивало от долгого плача. А Алина Петровна Сергеевна вышла на улицу, вдохнула полной грудью свежий воздух, улыбнулась солнышку, сидящим на крыльце воробьям, села на стоящую у крыльца скамейку. Где-то вдали безутешно звонили колокола, созывая народ к стенам древнего монастыря. Мыслей не было, только непонятная усталость окутала ее словно липкой паутиной. Посидев еще немного, она резко встала, поправила прическу, одернула подол платья и, взглянув на вывеску, еще раз улыбнулась, отмахиваясь неведомо от кого рукой.

– А! – и быстро зашагала по знакомой улице, вспоминая на ходу, что еще надо сделать сегодня.

– Так, про встречу с читателями не забыть, книги к поэтическому вечеру купить Асадова, Ахмадулиной. И продукты, да, еще же продукты, – торопилась женщина, уже не вспоминая про билет со скидкой. – А, может, певицу пригласить на вечер? Да, с песнями будет интересней, и люди любят, когда поют, – планы появлялись словно сами собой.

Люди раскланивались ей, здороваясь, многих она не знала, но приветливо кивала, улыбаясь. Впереди столько дел и как бы чего не забыть.

– Да, еще в аптеку за витаминами...

Лауреат конкурса (3-е место) –
Елена Петрова (Енисейская),
прозаик, новеллист.
Енисейск, Красноярский край

ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета

В ТОМ «ВОЛОГОДСКОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ»

Писатель В.П.Астафьев в рабочем кабинете. 1979 г. Из фондов Музея-квартиры В.И.Белова. Фото Р.Кучерова

В 2018 году было начато тщательное исследование вологодского астафьевского периода (1969–1980 гг.) на материалах архивов. Для сотрудников Музея-квартиры В.И.Белова и Государственного архива Вологодской области (далее – ГАВО) в то время актуальным оказалось изучить состав Вологодской писательской организации в 1960–1980-е гг., вологодские адреса писателя-традиционалиста В.И.Белова и его огромный круг литературных знакомств, в том числе и вологодских соратников. Именами первого, самого ближнего круга оказались поэты-вологжане А.Яшин, С.Викулов, Н.Рубцов, А.Романов, судьбы которых звездно пересеклись в столичном Литературном институте им. А.М.Горького с прозаиком В.П.Астафьевым. Примечательно: известный в 1950-е годы писатель-фронтовик и Сталинский лауреат Яшин был наставником поэтов-земляков и одновременно преподавателем на Высших литературных курсах как раз у слушателей Астафьева и Викулова. Причем на астафьевском курсе старостой был именно Викулов, который позже, будучи главным редактором «Нашего современника», собрал на страницах журнала всех писателей направления «деревенская проза».

От посетителей мемориального музея, родственников и сокурсников писателей-вологжан, а также из опубликованных воспоминаний современников В.И.Белова стало известно, что с первого курса, с 1959 года, студент начал тесно общаться с Астафьевым. Совпадение мировоззренческих установок, языковых и читательских предпочтений, литературных тем в творчестве и переживаний, полученных в период Великой Отечественной войны (бывшие фронтовики опекали поколение детей войны), а также атмосфера литинститутского общежития сблизила «гвардию» студентов-вологжан «от сохи» с выпирающим из стихов и прозы «матёрым мужичеством» с фронтовиком Астафьевым. Московские, а затем и вологодские годы общения стали для всех художников «поистине великими для совместной работы и для совместного осознания самих себя» (А.А.Романов).

В литинститутский период писатели по-настоящему сблизились. Общежитское московское соседство переросло в конце 1960-х в вологодское. Ярким примером свойского общения служит фрагмент письма 1969 г., созданного в год переезда Астафьева на Вологодчину: «Пьянствуете небось без меня? Развратничаете? Ничего не пишете к юбилею? Я вот вам, стервецы. Приеду, штаны спущу и выстегаю ремнем. Мне теперь, еще раз повторяю, никакого суда не будет и ничего не страшно. Я дед старый и пригну вас...»[1] Здесь видна и шуточная «субординация» старший-младший, слышны намеки на то, что «дед» приедет и установит порядки, научит быть трудолюбивыми и усидчивыми молодых писателей.

О продолжении сближения и плодотворного взаимообмена в творческой вологодской среде можно судить и по опубликованным «Думам» в трехтомнике А.А.Романова[2]. Писатели ездили на родину Астафьева, знакомились с его родней, прототипами произведений: «Никогда мне не забыть, как в Овсянке, на родине Виктора Петровича Астафьева, в доме тетки Нюры пели сибирские песни. Собрались все его родичи и знакомые по случаю нашего приезда из Вологды. Нет, не услышать уже нигде такого пения, когда песни, закипев на губах широкими и протяжными волнами, прокатывались над застольем, и душа моя замирала на их взъёмах и спадах, и до слёз радостно было жить и страдать этой народной долей...»

Об одном застолье с отцом писателя Петром Павловичем Астафьевым рассказывает писатель и журналист А.К.Ехалов в произведении «Пропала рыбалка!»[3]: «Я был поражен. Рядом со мной сидел герой астафьевских книг, жизнь и подвиги которого писатель беспощадно и убийственно, как мне тогда казалось, охарактеризовал и сделал хрестоматийным на много поколений русских читателей...»

Дружеские публикации в газете «Вологодский комсомолец» (1970-е гг.) передавали легкость и творческий градус общения писателей друг с другом и с журналистами, их сердечное «ты» слышалось в прозе и стихах, очевидна была радость вологодской творческой интеллигенции за успех и славу Астафьева.

Из автобиографического рассказа «Пропала рыбалка!»: «В 1974 году Виктору Петровичу Астафьеву исполнилось всего пятьдесят лет. К тому времени он был с мировым именем. Газета «Вологодский комсомолец» напечатала поздравление от коллег-писателей, в котором были такие строки: «Кончилась гарантия, выданная природой. Далее всё зависит от тебя самого...»

А через два года справляли сорокалетний юбилей газеты «Вологодский комсомолец», бывшей негласным органом вологодских писателей. Виктор Петрович пришел на банкет... Его тост завершался словами: «Так выпьем же за то, чтобы всегда оставался «Вологодский комсомолец», чтобы было с кем выпить».

Следует отметить, что подшивки газет «Красный Север» и «Вологодский комсомолец» за период 1970 – начало 1980-х гг. никто подробно не изучал, однако публичный, «газетный» образ Астафьева в них красив и лучезарен. Газеты хорошо сохранились в Вологодской областной универсальной научной библиотеке, ГАВО. Нет и отдельного труда,

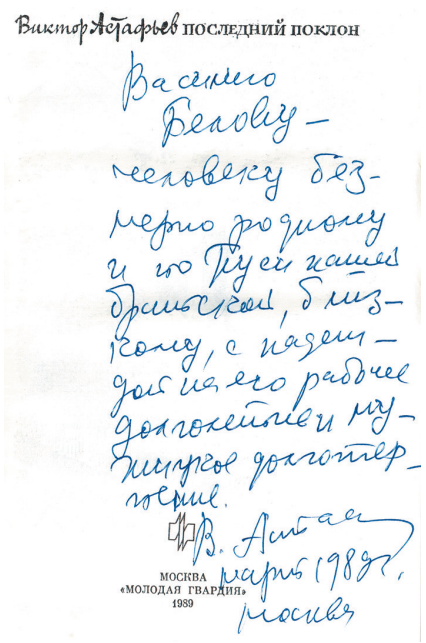
[1] ГАВО. Ф. Р-846. Д. 97. Л. 133–134.

[2] Романов А.А. Слово, равное судьбе. Избранные произведения: в 3 томах. – Вологда, 2024.

3 Ехалов А.К. Деревенская беседа. Василий Белов и его товарищи. – Вологда: Родники, 2022. – с. 40–45.

Семья Беловых в гостях у Астафьевых в д. Сибле. 1970-е гг. Из фондов Музея-квартиры В.И.Белова

Виктор Астафьев ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

Василию Белову — человеку безмерно дорогому и по Руси нашей близкому, близкому, с нашей — долгой памятью, его рабочее долгожительство и мужество долготерпения.

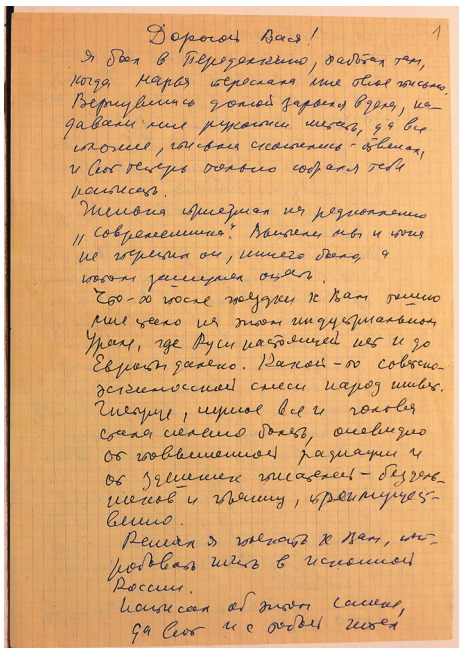
В. Астафьев
март 1989 г.
Москва

МОСКВА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» 1989

Дарственная надпись В.П.Астафьева. 1989 г. Из фондов Музея-квартиры В.И.Белова

В.П.Астафьев (третий слева) с художником Е.Ф.Капустиным (четвертый слева) на фоне деревенского дома писателя в д. Сибле Харовского района Вологодской области. [1975] г. Из фондов ГАВО

Дорогой Вася!

Я был в Переделкино, радуясь тому, когда наряд переслали мне твое письмо. Вернувшись домой радостно вдруг, передали мне рукопись твою, я ее прочел, глубоко сожалею — извини, и сейчас вот только собрался тебе написать.

Твоя вещица из редакции "Современника" вернулась, но я не горюю, ничего более я такого ожидал.

Что-то после жалуюсь к нам тебе мне всего не тянет писать, а хочется поговорить. Урал, где Руси настоящей нет и до Европы далеко. Какой-то совсем-азиатской смеси народ живет. Тягостно, нужно все и голова своя сильно болит, очевидно об головокружении радиации и об ущемлении писания — бездумностью и тягомотиной, преимущественно.

Решил я поехать к вам, попробовать жить в исконной России.

Написал об этом самом, да все и о себе тоже

Письмо В.П.Астафьева В.И.Белову. Фрагмент.18 декабря [1968] г. Из фондов ГАВО

посвященного исследованию воспоминаний современников о Белове и Астафьеве; некоторые, порой очень ценные публикации вышли только в вологодских журналах или малотиражных авторских изданиях.

Документы, найденные в период с 2018 по 2024 гг. в архиве писателя Белова, его библиотеке, фондах Вологодского отделения Союза писателей СССР, переданного в ГАВО, а также в частных документальных коллекциях других писателей из фондов Госархива дали богатейший материал для научных изысканий. В ходе разбора библиотеки семьи Беловых в квартире писателя обнаружилось несколько десятков фотографий с Астафьевым и поздравительные открытки, десять инскриптов прозаика периода 1968–1989 гг. Все они вошли в каталог «Инскрипты из собрания библиотеки Василия Белова. Из фондов Музея-квартиры В.И.Белова», изданный в 2022 г.

Очевиден стал факт, что приезд Астафьева в Вологду (не в начале 1960-х, когда студент Белов звал на Вологодчину, предлагая ему купить дом в деревне Тимонихе) был связан, во-первых, с окрепшей дружбой с Беловым, во-вторых, с формированием вокруг него идейно-мировоззренческого литературного отряда авторов, поддержавших в прозе тему деревни, в-третьих, с уходом из жизни на 56 году А.Я.Яшина, основателя региональной организации, и надеждами литературной Вологды обрести сильного наставника в лице Виктора Петровича, которого многие вологжане знали уже с Литинститута. Он, по сути, стал ядром Вологодской писательской организации, наставником для молодого вологодского «подроста», другом и соратником для прославившихся тогда в стране Белова, Рубцова, Романова и др.

Поэт Александр Романов, который на протяжении 11 лет был ответственным секретарем Вологодской писательской организации, писал: «Мы убеждены, что, если Астафьев переедет в Вологду, это значительно укрепит нашу писательскую организацию, принесет нашему вологодскому краю большую честь и пользу»[4].

Большим открытием стали найденные в ГАВО документы, связанные с переездом семьи Астафьевых в Вологду. Прежде всего – письмо Виктора Петровича, написанное Василию Ивановичу 15 декабря [1968] года. Уральский литератор с всесоюзной известностью писал Белову: «...тошно мне стало на этом индустриальном Урале, где Руси настоящей нет ... Решил я поехать к Вам, попробовать жить в исконной России[5]». И его ждали и радушно приняли в Вологде. Политика руководства области также способствовала переезду писателя. Первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С.Дрыгин лично помогал в решении жилищного вопроса. За все время пребывания в Вологде семья Виктора Петровича сменила три места проживания. Благодаря архивным документам все адреса писателя выявлены и являются частью литературной карты города. Интересно, что с 1969 по 1971 г. Виктор Петрович соседствовал с поэтом Н.М.Рубцовым, дружил и много с ним общался. Об этой дружбе рассказано в книге вологодского поэта В.В.Коротаева «Козырная дама» (1991).

В свою очередь вологодское окружение, прежде всего, общение с Василием Беловым, оказало влияние на расширение жанровой специфики творчества Виктора Петровича и его становление как драматурга. Находки в архивных фондах вологодских театров позволили установить, что на вологодской сцене были поставлены две пьесы В.П.Астафьева: «Черемуха» (1976)[6] и «Прости меня» (1980). Примечательно, что именно для вологодской постановки в 1976 году композитором Валерием Гаврилиным на стихи поэта Ольги Фокиной была написана песня «Черемуха». С легкой руки вологодских авторов песня стала лауреатом ежегодного советского телевизионного фестиваля эстрадной песни «Песня года» в 1977 году и исполнялась известной эстрадной певицей Л.Сенчиной на сцене концертного зала «Останкино».

Переезд в Вологду оказал благотворное влияние и на творческую судьбу Марии Семеновны Астафьевой (писатель – М.С.Корякина). Архивные документы Вологодской писательской организации из фондов ГАВО позволили установить, что в январе 1978 г. Мария Семеновна была принята в Союз писателей[7]. С этого момента она получила право на равных участвовать в собраниях и съездах литераторов. Мощный талант В.П.Астафьева притягивал в их дом поэтов, писателей, журналистов, режиссеров, художников, которые воспринимали Марию Семеновну теперь по-другому, не только как гостеприимную хозяйку, но и как коллегу по творческому цеху, любя и уважая ее самобытный талант.

Нельзя не продолжить тему вологодского гостеприимства семьи Астафьевых. Все адреса писательской семьи, а это не только городское жилье, но и деревенский дом, купленный Виктором Петровичем в 1970 г. в д. Сибле Харовского района Вологодской области, посещали многочисленные друзья и родственники. У них в разное время гостили поэты С.Орлов, С.Викулов, писатели Ю.Бондарев, В.Политов, Е.Федоровский, художник и художественный редактор издательства «Советский писатель» Е.Капустин, актер Л.Дуров, оператор А.Заболоцкий, режиссеры М.Литвяков и И.Калинина. Любили бывать у Виктора Петровича его родственники и однополчане. Отец писателя последние годы жизни (1975–1979) также провел в семье сына, скончался в Вологде и был похоронен на городском Пошехонском кладбище. В ГАВО в личном фонде писателя сохранились фотодокументы, связанные с вологодским периодом семьи Астафьевых.

Писатели в гостях у семьи Астафьевых в д. Сибле Харовского района Вологодской области. Июль 1975 г. Из фондов ГАВО.
Верхний ряд слева направо: С.В.Викулов, Ю.В.Бондарев, [В.Бураков], В.П.Астафьев, С.С.Орлов.
Нижний ряд слева направо: В.Т.Невзоров, М.С.Корякина-Астафьева, Г.П.Буракова с сыном Сергеем, Г.В.Викулова, В.Н.Бондарева

---

4 ГАВО. Ф. Р-846. Оп. 1. Д. 85. Л. 90.

5 ГАВО. Ф. Р-5134. Оп. 1. Д. 47. Л. 1-1 об.

6 В марте 1976 г. спектакль по пьесе В.Астафьева «Черемуха» впервые был поставлен в московском театре им. М.Н.Ермоловой.

7 Ф. Р-846. Оп. 1. Д. 192. Л. 1-2.

№ 12
29 декабря 2025 г.

ВРЕМЯ

Информационно-
просветительская
газета

В.П.Астафьев и актер Л.К.Дуров в Вологде. 1984 г. Из фондов ГАВО

М.С.Астафьева на аллее по проспекту Победы в г. Вологде. 1969 г. Из фондов ГАВО

Архивные документы сохранили информацию о том, как в конце 1970-х гг. в Сибле Виктор Петрович и писатель Е.Федоровский работали над сценарием фильма «Дважды рожденный», в основу которого лег рассказ Евгения Петровича «Не убий»[8]. Кинокартина вышла на экраны страны в 1983 г., уже после переезда Астафьевых в Красноярск. Эти события неоднократно вспоминал и комментировал сын прозаика Андрей Викторович Астафьев в интервью сотрудникам музея-квартиры и архива в 2018–2024 гг. Часть цитат из интервью были опубликованы в научных и научно-популярных статьях. Частым гостем у Виктора Петровича и Марии Семеновны была кровная сестра писателя Галина Петровна Буракова (в девичестве Астафьева) с мужем Вячеславом и сыном Сергеем.

Уехав из Вологды летом 1980 года, Астафьевы часто приезжали из Красноярского края навещать детей и внуков, многочисленных друзей, могилу отца. Есть архивные данные о том, что в мае 1984 года, в год 60-летия В.П.Астафьева, именно в Вологде его навестили Лев Дуров, Анатолий Заболоцкий, режиссеры Михаил Литвяков и Ирина Калинина.

В 1980–1990-е годы из Красноярска Астафьевы продолжали писать на Вологодчину: поэту Ю.М.Ледневу, литературоведу-шолоховеду В.В.Гуре, поэту А.А.Романову, супругам Беловым и др. Особую ценность представляют письма М.С.Астафьевой (1971–2006 гг.), которые сохранились в фондах ГАВО. Жена писателя отправляла их в Вологду из многочисленных заграничных поездок, а затем из Красноярска поэту, краеведу Валентине Старковой, создателю литературно-краеведческого клуба «Яшинская рябинка». Переписка длилась более 30 лет, ее объем – около 200 писем. Все содержат сцены бытовой жизни и ценные сведения о творческих поездках и встречах Виктора Петровича, география которых была обширна: ФРГ, Франция, Польша, Болгария, Австрия, Венгрия, Испания, Греция, Монголия, Америка[9].

На литературной карте страны Вологда стала одним из астафьевских мест. Оно наполнено житейскими и литературными историями, которые связаны с получением им значимых государственных наград, вхождением произведений в мир театра и кино, знакомствами с великими (например, с Шукшиным). И обо всем этом подробно рассказывают документы архивов и старые газеты.

Общение с местными писателями и вологодские впечатления давали Астафьеву материал для литературного труда, творчество на вологодской земле продолжало глубоко впечатывать его имя в «пантеон» писателей-традиционалистов. Не случайно чуткий и близкий Астафьеву вологодский поэт Александр Романов называл те годы великими и говорил, что в том, «"вологодском десятилетии", изначально светился некий божественный промысел для всех нас, а особенно для троих – Василия Белова, Николая Рубцова и самого Виктора Астафьева – еще просиял тогда и полдень их трех гениальностей... В этом я молчаливо и давно убежден»[10].

Эльвира Трикоз, филолог, музейный сотрудник, редактор. Кандидат филологических наук. В настоящее время ведущий научный сотрудник Музея-квартиры В.И.Белова.

Людмила Ефремова, филолог. Главный архивист Государственного архива Вологодской области.

[8] ГАВО. Ф.Р-5281. Оп. 1. Д. 26.

[9] См.: Ефремова Л.Л. Из-за нее Виктор Астафьев грозил Рубцову кирпичом // Красный Север. – 19 августа 2020. – № 91.

[10] Романов А.А. Думы // Романов А.А. Слово, равное судьбе. Избранные произведения. Том 3. – Вологда: Родники, 2024. – с. 233.

В.П.Астафьев с писателем Е.П.Федоровским в д. Сибле Харовского района Вологодской области. 1978 г. Из фондов ГАВО

18+

ВРЕМЯ. Информационно-просветительская газета. № 12 (декабрь 2025). Выходит 1 раз в месяц.
Учредитель: СДК «Банк культурной информации». Главный редактор: Т.Е.Богина.
Адрес редакции и издателя: 620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51.
E-mail: ukbkin@gmail.com Тираж 5000 экз. Распространяется бесплатно.

Зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Уральскому федеральному округу ПИ № ТУ66-01274 от 30 января 2014 года.
Отпечатано в ООО Универсальная типография «Альфа Принт». 620049, Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж.
Печать офсетная. Подписано в печать 29.12.2025 по графику: 17-00, по факту: 17-00.